

ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БОРЬБА МОДЕРНИЗМА И ФУНДАМЕНТАЛИЗМА ПО ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ ХРИСТИАНСТВА

О. А. Радугина

Воронежский государственный технический университет

К. А. Рашковская

Российский государственный архив литературы и искусства

Поступила в редакцию 29 мая 2019 г.

Аннотация: *проблема социальной ориентации христианства как объект теологической рефлексии возникла в связи с острым развитием социально-политических процессов и активным включением верующих в эти процессы в странах Латинской Америки и Африки. В католицизме и протестантизме осмысление этих процессов осуществлялось с позиций теологического модернизма и фундаментализма. Теологический модернизм представляет леворадикальный вариант «теологии освобождения», который поддерживает революционно-освободительную практику верующих-христиан и утверждает, что социальное назначение теологии состоит в служении «бедным». Это приводит к десакрализации важных положений христианского вероучения и критике «теологии освобождения» со стороны теологического фундаментализма. Сторонники последнего на базе традиционно-консервативной концепции христианства отстаивают интересы господствующих слоев общества, стремясь направить активность верующих в религиозное русло.*

Ключевые слова: *«теология освобождения», идейно-теоретическая борьба, теологический модернизм, теологический фундаментализм, десакрализация и ресакрализация христианского вероучения.*

Abstract: *the problem of social orientation of Christianity, as an object of theological reflection, arose in connection with the acute development of socio-political processes and the active inclusion of believers in these processes in Latin America and Africa. In Catholicism and Protestantism, the understanding of these processes was carried out from the standpoint of theological modernism and fundamentalism. Theological modernism presents a left-wing radical version of the «theology of liberation», which supports the revolutionary-liberation practice of Christian believers and argues that the social purpose of theology is to serve the «poor». This leads to the desacralisation of important provisions of the Christian doctrine. And this serves as the basis for criticism of the «theology of liberation» by theological fundamentalism, whose supporters, on the basis of the traditional conservative concept of Christianity, defend the interests of the ruling strata of society, seeking to direct the activity of believers in a religious direction.*

Key words: *«theology of liberation», ideological and theoretical struggle, theological modernism, theological fundamentalism, desacralisation and resacralisation of the Christian faith.*

Историческая практика свидетельствует о том, что религия никогда не выступала как некое трансцендентное образование, оторванное от решения проблем общественной жизни. Она всегда использовалась в определенных идеологических и политических целях, поскольку в специфической форме религия отражает интересы и потребности различных слоев населения и несет в себе определенный заряд социальной энергии масс. И это создает возможность использования религии в социально-политической борьбе. Задачи социально-политической ориентации той или иной конфессии решаются на высшем уровне религиозного сознания: в формате теологии или богословия. Теология и богословие не могут стоять в стороне от решения вопросов, совместимо ли участие верующих в борьбе за социально-экономические и политические преобразования с их религиозными убеждениями, определяют ли религиозные убеждения, и в какой мере, социально-политическую ориентацию верующих. Актуальность этих проблем для религиозных организаций и верующих не ослабевает и в последние годы в связи с происходящими в их среде процессами социально-политического размежевания. Значительная часть руководителей (да и рядовых верующих) христианских церквей продолжает занимать консервативные позиции. Но в церковных кругах имеется стремление к изменению несправедливых общественных отношений, побуждающее их к активному участию в социально-политической борьбе. Особенно активно этот процесс идет в «третьем мире» – развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки – в силу особой остроты проявляющихся там социальных, экономических, политических и других проблем, порожденных как наследием колониального и полуколониального прошлого, так и глобалистской политикой ведущих стран Западного мира. Всё это способствует развитию процесса политизации религии, который находит свое выражение не только в массовых религиозных движениях, но и в распространении различных направлений политической теологии.

В связи с этим в настоящем исследовании предпринята попытка раскрыть содержание теологической рефлексии по проблеме социальной ориентации христианства, выявить мотивацию и формы борьбы по данной проблеме между представителями теологического модернизма и фундаментализма.

Руководство христианских церквей в решении проблемы социальной активности масс стоят на консервативных позициях. Они утверждают, что деятельность по социальному переустройству общественных отношений будет обесценена, если не будет тесно связана с решением главной задачи религиозной жизни – «спасением души». Однако часть теологов осознают, что политическая практика и идеология церкви, направленные на консервацию существующих в обществе несправедливых общественных отношений и отвергающие правомерность борьбы за социальное переустройство, вызывают негативную реакцию угнетенных слоев населения. Эти теологи стремятся разработать такую концепцию

христианства, которая помогла бы ему вписаться в эпоху подъема политической активности масс.

В 70–80-х гг. XX столетия в христианстве сформировалось леворадикальное направление теологии, которое поставило в центр теологической рефлексии проблему социального освобождения. Это направление стало известно как «теология освобождения». Признание вовлеченности в политическую сферу жизни общества необходимо предполагает ответ на вопрос: интересы каких социальных групп отстаивают представители «теологии освобождения», каков их социально-классовый выбор? И ответ на этот вопрос дается однозначный. «Теология освобождения» выступает на стороне бедных – эксплуатируемых классов, слоев и групп, дискриминируемых рас, угнетенных народов. При этом она ставит перед собой цель не только нравственного оправдания бедных, но и создания системы теологической аргументации.

В традиционной христианской теологии конечной целью религиозной жизни является построение «Царства Божьего», или «спасение». В «теологии освобождения» спасение интерпретируется как освобождение. Термин «освобождение», по замыслам теологов стран «третьего мира», призван конкретизировать процесс «спасения». Говорить об абстрактном спасении, с их точки зрения, не имеет смысла. Спасение в каждый определенный момент есть освобождение от определенного угнетения, обусловленного какой-либо формой греха. Следовательно, ставить вопрос о спасении как освобождении – значит осознать, какой тип угнетения действует в настоящее время, какая власть греха подавляет человека.

Термин «освобождение» в теологических концепциях охватывает почти все формы человеческих отношений, начиная от наиболее личного и интимного опыта – отношения между мужчиной и женщиной – и кончая социальными процессами с самым различным социально-экономическим и политическим содержанием: реформы, бунты, партизанская борьба и т. д. Интерпретация этого термина находится в определенной зависимости от особенностей социально-политической ситуации в тех или иных странах, личной позиции теологов.

Леворадикальному теологическому модернизму в христианской теологии противостоит теологический фундаментализм, который представляют сторонники христианского спиритуализма и дисциплинарный орган Святого престола – Священная Конгрегация по вопросам вероучения. Спиритуалисты отрывают «Царство Божье» от земли, чаще всего противопоставляя его всему земному. «Царство Божье», утверждают фундаменталисты, – это не совершенное общество с высокими уровнями развития материальной и духовной культуры, осуществляющее принципы социальной справедливости. Создание такого общества находится вне исканий «Царства Божьего». «Царство Божье» – это духовно-нравственное состояние человека. Христианин, заявляет православный богослов из Франции О. Клеман, не может в качестве истинно христианской позиции в мире называть действительность, достижение практических результатов хотя бы потому, что он не знает, в чем состоит подлинный

критерий этой действенности. Пасхальное таинство убедительно показало, что настоящая победа может быть достигнута через наибольшее из поражений. Но христианин не может и отказаться от ориентации на достижение практических результатов в своих замыслах и делах. Истинно христианская позиция, с точки зрения О. Клемана, может быть выражена двумя терминами – «служение» и «поддержание» верности. «Мы постоянно вовлечены в борьбу против насилия и лжи, которые в истории никогда не кончаются. Но мы также должны быть уверены в том, что всякое, и даже земное, поражение может способствовать творению в жизни. В конечном счете, ведь поражение – это есть мученичество, которое представляет историю открытой к благодати» [1, р. 156].

Но если христианин не может отказаться от активной жизненной позиции, то какова цель, каков смысл его деятельности в современном секуляризованном мире? «Мы должны принять без оглядки христианскую цель, так сказать, принять Евангелие личностей точно таким же образом, как это делали христиане первых веков, – отвечает на этот вопрос О. Клеман и продолжает: – Это не ностальгия по прошлому. Такое христианство со всей силой выступает против упрощений, сводящих всё к формальности, а ратует за наполнение всей жизни богатым духовным содержанием завоевания святости. Созерцание, бескорыстие служения, литургическая красота – только такое присутствие духовного может помешать тотализированному, разбить идеологии, противостоять техническим фатальностям» [там же, р. 171].

Как же выглядит позитивная, с точки зрения руководства церкви, концепция христианской свободы и освобождения? Эту часть проблемы раскрывает документ Священной конгрегации по вопросам вероучения «Наставления о христианской свободе и освобождении» (далее – «Наставления»), состоящий из четырех глав: 1) «Ситуация в современном мире»; 2) «Драма греха»; 3) «Освобождение и христианская свобода»; 4) «За христианскую практику освобождения».

Современные движения, говорится в первой части «Наставлений», фиксируют политические и социальные цели. Они стремятся указать путь к ликвидации господства и провозгласить равенство и братство всех людей. В документе признается, что в этом направлении достигнуты определенные позитивные результаты: были отменены рабство и крепостное состояние, значителен прогресс в области прав человека располагать достояниями культуры, во многих странах закон признает равенство между мужчиной и женщиной, причастность всех граждан к осуществлению политической власти, осуждается расизм, как противоречащий праву и справедливости.

Однако, по мнению авторов документа, все эти завоевания человечества носят двусмысленный и даже призрачный характер. «Когда идет речь о покорении природы, об общественной и политической жизни или господстве человека над человеком, в индивидуальном или коллективном плане, каждый может констатировать, что происходит не только прогресс в сфере первоначальных устремлений, но имеют место новые

угрозы, новое рабство и новые заблуждения, которые возникают в то же время, когда развиваются современные движения освобождения» [2, р. 59].

«Отчего же это происходит?» – задают вопрос авторы «Наставлений». Ответ на этот вопрос у них тот же, что и на протяжении многих веков. Человек по природе – греховное существо. Его «спасение» – в единении с Богом. Поскольку человек в процессе развития цивилизации отрывается от Бога, переходит на позиции атеизма, он впадает в новые формы греха и бессилен что-либо изменить в этом мире. «Когда человек хочет освободиться от законов морали и стать независимым от Бога, он не завоевывает свободу, а разрушает ее. По мере отхода от истины он становится жертвой произвола, братские отношения между людьми уступают место террору, насилию и страху» [там же, р. 57]. Марксистский атеизм, с точки зрения авторов документа, не дает свободы человеку, а порождает только ее иллюзию. Под влиянием этого учения человек забывает свою истинную природу и провозглашает себя причиной самого себя, т. е. Богом. Однако, по мнению идеологов католицизма, именно образ Бога в человеке содержит основу свободы и значения человеческой личности.

Однако вынужденные считаться с популярной среди широких масс верующих позицией леворадикальных теологов, авторы «Наставлений» признают необходимость активной позиции христиан в современном мире. «От факта неравенства, которое бьет сегодня по миллионам мужчин и женщин, христианин не может убежать в надежде на блаженство в будущем мире. Эта надежда не должна ослаблять вовлечение в борьбу за прогресс в земном граде, но, наоборот, должна придавать ему смысл и силу. Человеческое призвание к вечной жизни не исключает, а предполагает его назначение, взяв в свои руки то, что он получил от творца, со всей энергией и всеми средствами совершенствовать свою земную жизнь» [там же, р. 59]. Здесь же можно встретить и высказывания о миссии церкви, якобы вырабатывающей моральные нормы, которые должны регулировать человеческие отношения, основываясь на любви и справедливости. «Любовь, которую несет церковь, включает в себя также возможность действенных акций своих членов, направленных на создание временных благ, удовлетворяющих их надежды, необходимость проявлять заботу об их культуре и осуществлять освобождение от всего того, что мешает развитию личности. Церковь хочет добра человеку во всех его измерениях как члена Града Божьего и как члена града земного» [там же, р. 66].

Правда, в тезисе об интегральном освобождении человека руководство католической церкви настаивает на абсолютном приоритете «Града Божьего», «Града Небесного». В «Наставлениях» оно стремится представить религиозную сферу жизнедеятельности человека в качестве главной, единственной имеющей подлинную ценность. Истинная сущность христианства, с точки зрения авторов документа, состоит в утверждении сверхъестественной природы спасения. Наиболее существенны в миссии церкви, продолжающей миссию Христа, подчеркивают авторы «Настав-

лений», евангелизация и спасение. Эта миссия черпает свои истоки в божественном милосердии. Евангелизация – призыв к спасению, дар Бога. Благодаря божественному слову и таинствам человек освобождается от всякой власти греха, от власти дьявола, который его подавляет, и вступает в любовный союз с Богом.

Обосновывая положение о том, что верующие не должны участвовать в социальных движениях, а церковь и священнослужители – в политической борьбе, документы Ватикана, вопреки этим положениям, оставляют за собой, за руководством церкви право вмешиваться в политическую жизнь, давать свои оценки социально-экономическим и политическим порядкам.

В «Наставлениях» делается реверанс в сторону леворадикальных элементов в церквях Латинской Америки. Отвечая на их требования, авторы «Наставлений» отмечают, что церковь верна своей миссии, когда она изобличает извращения, рабство и угнетение, жертвами которых являются люди. Однако главная задача «мирского служения церкви» состоит в борьбе против прогрессивных революционно-демократических сил в католицизме и безбожного социализма. «Она верна своей миссии, – подчеркивается в документе, – и тогда, когда противостоит всем попыткам установить различные формы социальной жизни, где бог отсутствует. Наконец, она верна своей миссии тогда, когда осуществляет свое суждение по отношению к политическим движениям, которые хотят бороться против нищеты и угнетения с помощью теорий и практических средств, противоречащих Евангелию и самой природе человека» [там же, р. 57].

Среди таких теорий, от которых должны отказаться правоверные католики, руководство церкви прежде всего называет теорию классовый борьбы как движущей силы исторического развития и связанную с ней теорию социальной революции. Эта теория, по словам авторов «Наставлений», подчиняет человека иному закону истории, который отрицает его свободу. Идее классовый борьбы христиане всегда предпочитают путь диалога и сотрудничества.

Идее необходимости революционного преобразования социально-экономических и политических структур на Латиноамериканском континенте авторы «Наставлений» стремятся противопоставить реформистскую идеологию. Церковь отвергает «миф революции», основанный на убеждении, что достаточно разрушить несправедливую систему – и общество станет более гуманным. Однако этот путь, по мнению руководства церкви, способен привести к тоталитарным режимам. Опасность «мифа революции», считают авторы документа, состоит также и в том, что он дискредитирует путь реформ, единственно возможный путь избавления от несправедливости.

В Латинской Америке, где в ряде стран правили военно-фашистские хунты, попрание всех демократических свобод, похищения, убийства приобретали массовый характер. В свое время, имея в виду репрессивные режимы в странах Латинской Америки и Африки, папа Павел VI

в энциклике «Популорум прогрессио» признал за верующими право вооруженной борьбы против тирании. Авторы «Наставлений» не хотят вступить в прямое противоречие с «Популорум прогрессио». Они, как и принято в подобных документах, стремятся показать связь своего документа с этой энцикликкой. Но, не отвергая этого положения «Популорум прогрессио», «Наставления» сопровождают его таким количеством условий и оговорок, что оно практически дезавуируется. В конечном счете, в документе Священной конгрегации по делам вероучения настоятельно подчеркивается, что лучший путь – это «пассивное сопротивление», «ненасильственные действия».

В документах Священной конгрегации по вопросам вероучения также говорится о необходимости интегрального освобождения. Однако идея интегрального освобождения в интерпретации руководства католической церкви имеет смысл, прямо противоположный тому, который вкладывают в нее представители революционно-демократического крыла «теологии освобождения». Когда последние употребляют термин «интегральное освобождение», они делают упор на необходимость социального освобождения в «земном граде», на подготовку и осуществление «Царства Божьего на земле». «Царство Божье» трактуется ими не как запредельное образование, достичь которого можно только после смерти, но как то, что начинается уже здесь, на земле. «Царство Божье» – это длящаяся реальность. Оно находится среди нас и осуществляется через нас. Это высокоразвитое в материальном и духовном отношениях общество. «Христианская вера прямо нацеливает на конечное освобождение – свободу сынов Бога в его Царствии. Но это конечное освобождение включает в себя также и историческое освобождение как форму предвосхищения» [3, р. 18], – подчеркивает Л. Бофф. С аналогичных позиций выступал и архиепископ из Сан-Сальвадора О. А. Ромеро. По его словам, современная церковь свою основную миссию, как и раньше, видит в приближении «Царства Божьего». Однако теперь эта древняя идея обличена в конструктивную форму. Сознавая, что осуществление «Царства Божьего» на земле всегда будет неполным и частичным, церковь, тем не менее, должна все силы посвятить этому великому делу. В нашей конкретной ситуации это означает добиваться правды и справедливости, бороться за политический, социальный и экономический прогресс. «Царство Божье» на земле, с точки зрения леворадикальных теологов, – это общество, построенное в соответствии с основными принципами христианской морали. Создание такого общества, считают представители революционного демократизма, открывает большие возможности для духовного самоусовершенствования человека, ограничивает действие сил зла и, в конечном счете, приближает утверждение «Царства Божьего» в религиозном значении этого слова.

Данная установка предполагает, что для создания «Царства Божьего» наряду с деятельностью Бога необходима и деятельность людей, посредством которой Бог являет себя в исторической действительности. Через реализацию людьми божественного замысла осуществляется их

сопричастность Богу. Человек, действуя на благо других людей, одновременно служит Богу. Такой подход придает религиозное значение конкретно-исторической деятельности человека. Он устанавливает тесную зависимость между деятельностью по преобразованию мира и спасением души. Борьба за улучшение жизни на земле признается не только достойной усилий христианина, но и непременным условием реализации его веры.

Документы Ватикана, направленные против «теологии освобождения», привлекли внимание не только в католическом мире, но и в других христианских церквях. Примечательна в этом плане позиция Русской православной церкви. В интервью корреспонденту итальянской газеты «Унита» от 21 апреля 1985 г. митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко) заявил, что Русская православная церковь с горечью и глубоким состраданием наблюдает за трагическим положением народных масс во многих латиноамериканских странах, которое вызывает активное стремление латиноамериканцев добиться освобождения от всего того, что препятствует им жить, как подобает жить человеку, созданному по образу и подобию Божьему. В этих условиях, считает митрополит Филарет, вполне естественно, что в Латинской Америке, где христиане составляют абсолютное большинство населения, происходит осмысление целей и борьбы за освобождение в контексте веры. Митрополит Филарет положительно оценивает стремления представителей «теологии освобождения». «Мы, – говорил православный иерарх, – не согласны с попыткой разделить веру и дела, поскольку вера всегда включает в себя и соответствующие ей дела, и, если верно утверждение, что без жизни по вере не может быть самой веры, то также верно и обратное: без веры не может быть и жизни по вере. Мы ценим поэтому усилия “богословов освобождения”, которые стремятся привести свою христианскую веру в соответствие с жизнью этой веры, так как вне христианской жизни теряет смысл и само понятие “вера”». Далее митрополит заявляет, что критика «богословов освобождения» должна быть доброжелательной, а не разрушительной, чтобы не нанести вреда той благородной цели, к которой столь самоотверженно устремляются наши латиноамериканские братья и сестры» [4, с. 64].

Однако, судя по содержанию этого интервью, высокопоставленный иерарх Русской православной церкви считает, что эта критика носила негативный характер. В частности, справедливое его возмущение вызвала содержащаяся в «Наставлениях» критика социалистических общественных отношений: «Мы полагаем, – отметил митрополит Филарет, – что целью ватиканского документа является намерение определить, соответствуют или не соответствуют учению Римско-католической церкви воззрения некоторых католических “богословов освобождения”. Само собой разумеется, что это относится к прерогативе священноначалия Римско-католической церкви, и мы не считаем себя вправе касаться этого вопроса. Однако нас весьма удивило, что Конгрегация вероучения

сочла возможным включить в этот документ материал чисто политического характера. Он содержит в себе бездоказательную и глубоко несправедливую оценку социалистического общественного строя, в создании и развитии которого участвуют десятки миллионов православных, католиков и протестантов в повседневном сотрудничестве с религиозными братьями и сестрами» [там же]. И далее митрополит продолжает: «Размышляя о причинах обращения авторов документа к упомянутой теме и о большом месте, отведенном в нем для критики некоторых положений марксизма, нельзя не прийти к выводу, что это сделано в попытке предостеречь католиков стран Латиноамериканского континента от выбора социалистического пути развития» [там же, с. 63].

Наряду с острой критикой социальной позиции авторов «Наставлений» в интервью митрополита Филарета содержится суждение, которое сближает его взгляды с убеждениями консервативных кругов католической церкви. Это суждение связано с интерпретацией «универсального спасения». Отмечая как положительный момент проводимую в «теологии освобождения» неразрывную связь веры и дела, веры и жизни, митрополит Филарет пишет: «К сожалению, у “богословов освобождения” встречается недооценка значения веры. Как пример можно привести недостаточное, по нашему мнению, внимание некоторых “богословов освобождения” к универсальному характеру спасения, принесенного на землю Господом нашим Иисусом Христом. Недооценка его универсальности приводит к сведению понимания спасения до категорий социального характера» [там же]. Эта точка зрения вытекает из стремления православного иерарха отстоять целостность религиозного мировоззрения, избежать включения в его содержание взаимоисключающих принципов и установок.

Идеолог Русской православной церкви осознает, что, освящая революционно-преобразовательную деятельность народных масс, включая ее в содержание религиозной жизни, представители «теологии освобождения» попадают в неразрешимое противоречие. Последовательное развитие этих установок, превращающих человека из «раба Божьего» в автономного субъекта деятельности, субъекта исторического творчества, в значительной степени подрывает те устои, на которых основывается религиозное мировоззрение. Ведь если активную творческую деятельность рассматривать как проявление божественного в человеке, то именно совершенствование земной жизни, а не достижение загробного блаженства становится главной целью жизни человека. В таком случае может показаться мелким и несущественным особое, отдельное от этой революционно-преобразующей деятельности служение Богу: исполнение обрядов, благотворительная деятельность и т. д. Религия при таком подходе оказывается перед угрозой обмирщения, теряет ореол сверхъестественного. Христианские ценности приобретают характер человеческих ценностей, а не божественных установлений. Человека нацеливают находить меру и критерий своей свободы и несвободы в самом себе, а не

в Боге. Он становится центром всей действительности, а мир воспринимается им как продукт его замыслов и деятельности.

Осуждение Ватиканом «теологии освобождения» было неизбежно. Обострение противоречий в Латинской Америке обусловило такой путь модернизации католицизма, который не мог не вступить в противоречие с официальным курсом руководства католической церкви, ориентированным на выполнение охранительных функций по отношению к капитализму. И, хотя борьба с «теологией освобождения» ведется под флагом борьбы против левого клерикализма, за «чистоту» христианских ценностей и идеалов, на самом деле речь идет не об отстаивании «чистоты» христианства от чуждых ему идеологических наслоений. Анализ документов Ватикана убедительно показывает, что внутри католической церкви столкнулись две классовые позиции, две политические ориентации – высшей иерархии, тесно связанной с господствующими эксплуататорскими социальными структурами, и рядовых верующих, священников и теологов, выражающих интересы миллионов эксплуатируемых, включенных в борьбу за социальное и национальное освобождение. И этот факт довольно ясно осознают наиболее дальновидные представители «теологии освобождения». «Дело обстоит не так, будто бы несколько теологов выступают против церковной иерархии, – заявил Л. Бофф в интервью североамериканскому журналу «Ньюсвик», – скорее существуют две параллельные иерархии, вплоть до Ватикана, с противоположными взглядами на мир» [5, р. 37].

Итак, проблема социальной ориентации христианства как объект теологической рефлексии возникла в связи с острым развитием социально-политических процессов и активным включением верующих в эти процессы в странах Латинской Америки и Африки. В католицизме и протестантизме осмысление этих процессов осуществлялось с позиций теологического модернизма и фундаментализма. Теологический модернизм представляет леворадикальный вариант «теологии освобождения», который поддерживает революционно-освободительную практику верующих-христиан и утверждает, что социальное назначение теологии состоит в служении «бедным». Данная установка проявляется в социальной заостренности теологической рефлексии, разработке специфической концепции Бога, противопоставляющей Бога бедных, униженных, обездоленных Богу богатых, пресыщенных, эксплуататоров. Социальная заостренность теологической рефлексии приводит к десакрализации важных положений христианского вероучения. И это служит основой критики «теологии освобождения» сторонниками теологического фундаментализма, которые, на базе традиционно-консервативной концепции христианства, отстаивают интересы господствующих слоев общества, стремясь дескредитировать борьбу за социальные идеалы и направить активность верующих в религиозное русло.

Литература

1. *Clement O.* La revolte de l'esprit / O. Clement. – Paris, 1979.
2. *La Civiltà Cattolica.* – 1984. – № 3323.
3. *Boff L.* Eglise : charisme et pouvoir. La théologie de la liberation / L. Boff. – Paris, 1985.
4. Журнал Московской патриархии. – 1985. – № 6.
5. Newsweek. – 1984. – № 22.

*Воронежский государственный
технический университет
Радугина О. А., доктор философских
наук, профессор кафедры философии,
социологии и истории
E-mail: radugina@yandex.ru*

*Российский государственный архив
литературы и искусства
Рашковская К. А., главный специа-
лист
E-mail: rgali.otdelkadrov@list.ru*

*Voronezh State Technical University
Radugina O. A., Doctor of Philosophy,
Professor of the Philosophy, Sociology and
History Department
E-mail: radugina@yandex.ru*

*Russian State Archive of Literature and
Art
Rashkovskaya K. A., Chief Specialist
E-mail: rgali.otdelkadrov@list.ru*

О. А. Радугина, К. А. Рашковская. Идейно-теоретическая борьба...